

Ulukhanov, I. S. (2015–2017). *Glagol'noe slovoobrazovanie* (Vols. 1–2). Moscow: Azbukovnik.

Worth, D., Kozak, A., & Johnson, D. (1970). *Russian Derivational Dictionary*. New York: American Elsevier.

Sofia I. Iordanidi

Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
siordanidi@yandex.ru

Received on March 5, 2019

DOI 10.31912/rjano-2019.2.12

**В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. Словарь словообразовательных
аффиксов современного русского языка. —
М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016. — 812 с.**

Выход в свет «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» (далее — «Словарь...») В. В. Лопатина и И. С. Улуханова (далее может также использоваться обозначение «авторы») — событие в высшей степени значимое.

Владимир Владимирович Лопатин и Игорь Степанович Улуханов — здравствующие классики российской науки о словообразовании, авторы соответствующих разделов в Грамматике-70 и Грамматике-80, множества монографий и статей, написанных как индивидуально, так и в соавторстве (см., в частности, библиографию к рецензии С. И. Иорданиди, опубликованной в настоящем номере журнала). Несмотря на то, что некоторые решения, принятые в «Словаре...», достаточно необычны (см. об этом ниже), в целом он, несомненно, подготовлен в русле того подхода к изучению русского языка, который можно назвать академической русистикой. «Словарь...» — итог более чем полувековых исследований в области русского словообразования, принципиально улучшить его, оставаясь в тех же теоретических рамках, невозможно. Таким образом, оценка работы, проделанной В. В. Лопатиным, И. С. Улухановым, их коллегами и учениками, зависит от ответа на вопрос: невозможно в рамках того же подхода или невозможно вообще?

Поскольку уже упомянутая рецензия С. И. Иорданиди дает заинтересованному читателю достаточно четкое представление о структуре «Словаря...», теоретических установках его авторов и устройстве словарных статей, мы позволим себе перейти непосредственно к обсуждению ряда решений, принятых В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым при подготовке книги.

В большом теоретическом предисловии, которым открывается «Словарь...», рассматривается, среди прочих, вопрос о членимости слов. В качестве одного из важнейших для теории членимости авторы выдвигают положение о том, что «[н]е выделяются (...) морфы заимствованных слов на основании соотношения со словами того языка, из которого заимствовано слово» (с. 13). Это утверждение, безусловно, верно для многих случаев — например, для экзотизмов типа *укулеле* или *вувузела*, а также для таких хорошо освоенных заимствований, как *шедевр*: трехчастная структура французского оригинала (*chef-d'œuvre*) совершенно не ощутима в русской передаче. Но В. В. Лопатин и И. С. Улуханов на роль иллюстрации к этому положению приводят латинское слово *манускрипт*. Получается, что носитель русского языка не имеет права соотносить это слово с русскими (отнюдь не латинскими) словами *мануфак-*

тура, мануальный, рескрипт, скрипторий и т. д., не имеет права знать, что слово *рукопись* представляет собой кальку слова *манускрипт* (при том, что множество людей, которым известен этот факт, и множество людей, которым хорошо знакомо слово *манускрипт* само по себе, как кажется, более или менее совпадают). Иначе говоря, если морфологическая теория находится в противоречии со здравым смыслом, преимущество отдается морфологической теории.

Данный пример может показаться не заслуживающей упоминания случайностью. Дальнейшее знакомство со «Словарем...», однако, подтверждает, что речь идет о совершенно сознательной установке.

Едва ли не первое, что обращает на себя внимание в этом плане, — список заголовочных статей в суффиксальной части словаря¹. Разумеется, этот список сформирован в соответствии с представлениями авторов о том, какие суффиксальные морфы следует, а какие — не следует объединять в одну морфему. Пожалуй, наиболее распространенная точка зрения на этот вопрос (впрочем,

сосуществующая с множеством других) состоит в том, что два морфа признаются алломорфами одной морфемы, если они:

а) синонимичны;

б) дополнительно распределены (в действительности дополнительное распределение может быть не абсолютно строгим);

в) отношения между несовпадающими сегментами в их составе естественно описывать как чередование.

В. В. Лопатин и И. С. Улуханов подходят к этой проблеме иначе: «Морфы объединяются в одну морфему в том случае, если они имеют одно и то же значение и обладают формальной близостью» (с. 15). Под формальной близостью понимается «частичная тождественность состава фонем и их порядка» (там же), при этом специально оговаривается, что «[р]азличие согласных фонем, соотносительных по твердости — мягкости, не учитывается при определении формальной близости морфов» (там же, Примечание).

Наличие дополнительного (или близкого к дополнительному) распределения авторы в число факторов, требующих учета при решении вопроса об объединении морфов в одну морфему, не включают. Никаких указаний относительно того, сколь велика должна быть «тождественная часть» двух морфов — ни в абсолютном (число совпадающих фонем), ни в относительном (доля совпадающих фонем к общей длине морфов) исчислении, — в «Словаре...» нет. Просмотр словарных статей позволяет с уверенностью утверждать, что наличия одной совпадающей фонемы бывает достаточно для признания алломорфии — ср., например, уменьшительные суффиксы **-ОК**³ и **-ЧИК**. Относительная длина, по-видимому, может быть гипотетически любой: во всяком случае, суффиксы, например, **-ИРОВАНИ**[J(O)] (*рулонирование*) и **-[J(O)]**³ (*разгулье*)

¹ Далее мы будем говорить почти исключительно о суффиксальной части «Словаря...». Его префиксальная часть содержит толкования значений приставок, в общих чертах хорошо знакомые читателям, начиная по меньшей мере со словаря Ушакова. Безусловно, такой взгляд на устройство системы русских префиксов уже достаточно давно не является единственно возможным; как пример принципиально иного взгляда можно упомянуть, скажем, коллективную монографию [Janda et al. 2013]. У нас, однако, нет никакой уверенности, что описания семантики приставок, основанные на какой-либо из современных теорий, действительно превосходят те, которые были предложены в русистике ранее. Таким образом, выбор, сделанный В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым, вполне объясним.

оба входят в словарную статью **-НИ[Ј(О)]²**, а в статью **-ОК³** входит суффикс **-ЫШКОМ** (*рядышком*).

С учетом сказанного можно было бы ожидать, что все синонимичные суффиксы, обнаруживающие не меньшую (а тем паче — большую) «формальную близость», чем те же **-ОК³** и **-ЫШКОМ** или **-ИРОВАНИ[Ј(О)]** и **-[Ј(О)]³**, будут объединены в одну словарную статью. Оказывается, однако, что это вовсе не так. В частности, разными суффиксами считаются **-АТ(ЫЙ)** и **-АСТ(ЫЙ)**, **-Ц(Е)** и **-ЛЫЦ(Е)**, **-ЩИК** и **-ЛЫЩИК**, **-ЩИН(А)** и **-ЛЫЩИН(А)**; при этом, скажем, суффиксы **-ЛЫН(Я)** и **-ЛЫНИЦ(А)** рассматриваются как алломорфы суффиксов **-Н(Я)** и **-ИЦ(А)**.

Разведение по разным статьям пар типа **-ЩИК** ~ **-ЛЫЩИК** кажется необъяснимым. Семантическое тождество членов этих пар несомненно. Формальное соотношение между ними везде одно и то же (наличие — отсутствие л(’)); тем самым, рассматривая каждый из таких «л-овых» суффиксов по отдельности, авторы «Словаря...» упускают из вида важнейшую особенность, объединяющую большую группу русских отглагольных суффиксов. Наконец, на поверхностном уровне между «л-овыми» и соответствующими им «без-л-овыми» суффиксами наблюдается строжайшее дополнительное распределение: первые встречаются только после основ на гласный, вторые — только после основ на согласный (в действительности наличие такого распределения — фикция; см. ниже о сохранении/усечении конечных гласных основы). Между тем три основных диминутивных суффикса существительных мужского рода, объединяемых В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым в одну морфему, — **-ок**, **-ик** и **-чик**, — не просто не распределены между собой при некоторых типах основ: существуют довольно многочисленные пары типа *листик* ~ *листок*, *ротик* ~

роток, *часик* ~ *часок*, члены которых различаются между собой если не собственно значением, то как минимум контекстами употребления, ср. *пухлый капризный ротик* (**роток*), *вздremнуть часика* (**часка*) *три* и т. д.

Пожалуй, еще более странной выглядит ситуация с суффиксами **-АР** (*овчар*) и **-АРЬ¹** (*рыбарь*). Значение первого из них в «Словаре...» толкуется как «предмет (преимущ. лицо), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом», значение второго — как «предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом». Оставляя в стороне вопрос о том, в какой мере овец и рыб надлежит считать «признаками», мы можем констатировать, что эти толкования практически идентичны. «Формальная близость» между суффиксами **-АР** и **-АРЬ** исключительно велика; более того, если обратиться к цитированному выше указанию о том, что различие согласных по твердости — мягкости в таких случаях «не учитывается», получается, что эта близость абсолютна². Таким образом, отказ рассматривать суффиксы **-АР** и **-АРЬ¹** как алломорфы находится в во-

² Разумеется, этот удивительный эффект возникает в силу того, что в Примечании на с. 15 речь «на самом деле» идет об автоматической (фонетически обусловленной) твердости или мягкости, ср. приводимый там же пример *тёр* — *три*, тогда как мягкость *р* в суффиксе *-арь* — не автоматическая. Однако, во-первых, такого понятия, как «фонетически обусловленная твердость — мягкость», в концепции авторов, по-видимому, не существует, во-вторых, остается неясным, почему именно этот признак требует специальной оговорки: судя по наличию в «Словаре...», скажем, пары *вошь* — *вишый*, различие согласных фонем, соотносительных по звонкости — глухости, «не учитывается при определении формальной близости морфов» ровно в такой же степени.

пиюшем противоречии с теоретическими установками авторов.

В. В. Лопатин и И. С. Улуханов никак не поясняют, какова должна быть процедура отождествления морфов в случае, если тот или иной суффикс «обнаруживает формальную близость» к двум разным суффиксам одновременно. В качестве примера рассмотрим суффикс **-СТВИ[Ж(О)]**². С нашей точки зрения, этот «суффикс» представляет собой просто сочетание суффиксов **-ств-** и **-и[ж-]**, но его трактовка как единой морфемы также возможна. Авторы включают суффикс **-СТВИ[Ж(О)]**² в статью **-НИ[Ж(О)]**², хотя фонетически он стоит существенно ближе к суффиксу (точнее, к группе суффиксов; согласно «Словарю...», всего их насчитывается 5) **-СТВ(О)**. Суффикс **-НИ[Ж(О)]**² толкуется в «Словаре...» как «отвлеченное действие, состояние, признак в соответствии со знач. мотивирующего слова», суффикс **-СТВ(О)** — как «отвлеченный признак, свойство, действие, состояние, в соответствии со знач. мотивирующего слова»; осмелимся предположить, что различия между двумя этими толкованиями незначимы. Если теперь обратиться к производным на **-ствие**, то окажется, что они не демонстрируют никакой особой близости к словам на **-ние** и **-ие**, зато некоторые из них фактически представляют собой варианты соотносительных производных на **-ство**, причем, что чрезвычайно существенно, суффикс **-ство** при этом выступает в разных значениях, ср. *царствие* и *царство*, *чувствие* и *чувство*, ср. еще *действие* и *действие*, *странствие* и устар. *странство*.

Таким образом, принципы объединения морфов в морфему, предлагаемые В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым, абсолютно неоперациональны и произвольны: в десятках, если не сотнях точек словообразовательной системы русского языка они допускают множество

разных решений. При этом как раз те решения, которые принимают авторы «Словаря...», зачастую контринтуитивны и не проясняют, а, напротив, затемняют реальное положение дел. В частности, читателю «Словаря...» предлагается поверить, что в парах *ротик* ~ *роток*, *шубейка* ~ *рядышком*, *застолье* ~ *рулонирование*³ представлен один и

³ Проницательный читатель вправе усомниться в том, что в русском языке вообще есть суффикс **-ИРОВАНИ[Ж(О)]** и наблюдается такой процесс, как образование существительных от существительных с помощью этого суффикса. Действительно, в «Словаре...», несмотря на утверждение авторов о том, что данный суффикс продуктивен (!), его употребление иллюстрируется ровно двумя примерами — *комбайнирование* и *рулонирование*. Однако глагол *комбайнировать* отмечен во многих справочных изданиях — ср. пример из «Викисловаря»: *Можно регулировать угол атаки жатки, что позволяет более эффективно комбайнировать* полёглые культуры, *при минимальном износе днища жатки*. Глагол *рулонировать* встречается редко, но никак не реже, чем соответствующее существительное, ср., например: *Пункт 1.6.3. дополнить фразой следующего содержания: «Маты МТПЭ-2, МБПЭ-2 по согласованию с Покупателем допускается не рулонировать»* (Интернет). То же самое касается и любых других производных на **-ирование**: глаголы, от которых они образованы, могут быть очень специальными и не слишком известными большинству носителей русского языка, но даже самый поверхностный поиск сразу же подтверждает их безусловную реальность — ср., например, существительные *районирование* и *террасирование* и примеры употребления соответствующих глаголов: *Новый сорт ячменя алтайской селекции районировали с этого года по Сибири и Дальнему Востоку; Подпорные стенки позволяют террасировать участок* (оба примера — из Интернета).

тот же суффикс, а в парах *пилищик* ~ *пилильщик*, *царствие* ~ *царство*, а также, например, *бизнесмен* и *спортсмен* (!) — разные.

В качестве еще одной, более частной иллюстрации рассмотрим трактовку В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым наречий на *-ой*, *-ом*, *-ью*, *-ами* и образованных от них диминутивов: эта группа производных относится к числу тех, в описании которых данный принцип проявляется особенно ярко.

Любому носителю русского языка интуитивно очевидно, что наречия типа *стороной*, *босиком*, *ощупью*, *местами* с морфологической точки зрения представляют собой формы Т. п. существительных — иногда реальных (*место*), иногда фиктивных (**босик*)⁴. Это их восприятие определяется в первую очередь тем, что набор суффиксов у таких наречий в точности совпадает с набором окончаний Т. п. Точно так же и диминутивы от таких наречий (*сторонкой*, *босичком* и т. п.) морфологически представляют собой Т. п. от соответствующих существительных с уменьшительным суффиксом (*сторонка*, **босичок* и т. д.).

Для В. В. Лопатина и И. С. Улуханова данный подход неприемлем. Еще более 40 лет назад В. В. Лопатин посвятил оценочным наречиям специальную заметку, в которой рассмотрены два способа описания соотношения исходного и производного слова в парах типа *стороной* — *сторонкой*. Согласно первому способу, диминутивные наречия образуются путем усечения финали (*-ой*, *-ом* и т. д.) и добавления суффикса

вида «-к- + та же самая финаль»; именно этот способ принят теперь в «Словаре...». Согласно второму (ранее, как отмечает В. В. Лопатин, предложенному А. Н. Тихоновым), «финаль <...> в мотивирующем наречии не отсекается, а суффикс, состоящий в этом случае уже только из одной фонемы -к-, вставляется в мотивирующее наречие перед указанной финалью...» [Лопатин 1975: 233]. При этом, в частности, слово *украдкой* предлагается трактовать как опрощенное (по-видимому, та же трактовка принята и в «Словаре...»), а в слове *втихомолку* выделять «унификс» (кавычки принадлежат самому В. В. Лопатину) *-омолку* (как рассматривается это слово в «Словаре...», мы установить не смогли; по крайней мере, суффикса *-омолку* в нем нет). Между тем если наличие у наречия *украдкой* синхронной связи с глаголом *красть* еще может вызывать сомнения, то в глаголе *красться* и наречии *крадучись* (по-видимому, отсутствующем в «Словаре...») корень *-крад-* имеет в точности то же значение, что в слове *украдкой*: «≈ так, чтобы никто не заметил»⁵. В случае со словом *втихомолку* достаточно сослаться на выражение *тишком да молчком*; но если бы такого выражения и не было, трудно сказать, какие усилия должен сделать над собой носитель русского

⁴ Ср. темпераментные и чрезвычайно убедительные соображения в пользу синхронного отождествления элементов *-а*, *-у*, *-о*, *-е*, *-ах* в наречиях типа *сперва*, *помногу*, *налево*, *накоротке*, *вгорячах* с падежными флексиями в недавней статье А. Н. Барулина [2018: 53–57].

⁵ Именно такое решение принято в словаре [Тихонов 1985]: глаголы *красть* и *красться* разведены по разным словообразовательным гнездам, при этом наречия *крадучись* и *украдкой* (а также существительное *украдка*) считаются производными от *красться*. В словаре [Кузнецова, Ефремова 1986], где слова, этимологически восходящие к одному корню, почти всегда рассматриваются как синхронно связанные, все лексемы с корнем *-крад-* объединены в рамках одного гнезда (к сожалению, наречия *крадучись* по каким-то причинам нет и в этом словаре).

языка, чтобы «не узнать» в этом слове корень *-молк-*.

Замечательным образом, даже рассматривая второй способ, предполагающий членение *сторон-к-ой* и т. п., В. В. Лопатин ничего не говорит о тождестве «финалей» *-ой*, *-ом* и т. д. падежным окончаниям. В результате словарная статья «**-ОЙ; -ОЮ**» включает в себя, с одной стороны, наречия *весной*, *порой*, *силой* и т. д., а с другой — лексемы *домой* и *впервой*. Тот факт, что наречия типа *весной* имеют варианты на *-ою*, а наречия *домой* и *впервой* — нет, никак авторами не комментируется, хотя стоит признать тождество форманта *-ой* в форме Т. п. *весной* и в наречии *весной*, причина данного различия станет самоочевидной. У диминутивных наречий с «суффиксом *-кой*», рассматриваемым как алломорф диминутивного суффикса существительных **-ОК³** (*украдочкой*, *сторонкой*), наличие варианта *-кою* не отмечено. Но это не более чем небрежность, ср., например: *Я вчера пытался **сторонкою** намекнуть об этом племяннице...* (М. Н. Загоскин. Русские в начале осмнадцатого столетия (1848))⁶.

Утверждение о том, что в диминутивных наречиях за элементом *-к-* следует «конечная часть суффиксального морфа мотивированного слова, обязательно тождественная по фонематическому составу отсекаемой финали слова мотивирующего» [Лопатин 1975: 233], в общем случае неверно — по той простой причине, что от существительных III склонения образуются диминутивы с суффиксами *-к-* или *-ц-*, относящиеся не к III, а к I склонению. Это правило полностью соблюдается и в наречиях, ср. *ощупью* — *ощупкой*, *рысью* — *рысцой*. Удостовериться в этом посредством

«Словаря...», однако, невозможно: довольно частотного окказионализма *ощупкой* (около 10 вхождений в НКРЯ, ср., например: *Останется в казане лишь малая косточка. Её надо **ощупкой**, не глядя брать* (Б. Екимов. Фетиш // «Новый Мир», 1996) в нем просто нет, а наречие *рысцой* неожиданно оказывается производным не от *рысью*, а от существительного *рысца* (почему в таком случае, скажем, диминутив *сторонкой* не может рассматриваться как образованный от *сторонка*, остается совершенно неясным).

О том, что отстаиваемый В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым подход к описанию фактов языка «грешит против здравого смысла», еще в 70-е годы прошлого века писал (применительно к Грамматике-70) замечательный американский славист Д. С. Ворт, см. [Ворт 1975: 59].

Еще один важнейший принцип, лежащий в основе «Словаря...», состоит в том, что отсутствие правила (пусть даже многофакторного и/или допускающего определенное число исключений) предпочтительнее его наличия.

Подлинным торжеством этого принципа является раздел об ударении. В своем описании акцентуации мотивированных слов (см. с. 11–12) В. В. Лопатин и И. С. Улуханов никак не учитывают технику акцентных парадигм и акцентных маркировок, получившую широкое признание после работ Х. Станга, П. Гарда, В. А. Дыбо и, разумеется, А. А. Зализняка. При этом дело вовсе не в использовании той или иной конкретной нотации, а в том, что, во-первых, авторы не принимают в расчет целый ряд факторов, способных оказывать влияние на ударение, а во-вторых, акцентные свойства каждого суффикса рассматриваются в «Словаре...» изолированно. В качестве примера сравним описание в «Словаре...» и в [Зализняк 1985: 98–104] одного из са-

⁶ Примеры, для которых не оговорено иное, взяты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

мых сложных в акцентном отношении русских суффиксов — адъективного суффикса *-ов-*. Описание А. А. Зализняка может показаться чересчур дробным и не во всех деталях убедительным, однако оно содержит множество важных сведений — о различии в ударении между качественными и относительными прилагательными, о действии прагматического фактора (т. е. степени освоенности соответствующих дериватов большинством носителей) и т. д. В «Словаре...» для производных от односложных основ просто отмечается: «Тип I, II или III», — т. е. констатируется, что ударение может падать на основу (*мачтовый*), на суффикс (*кедровый*) или на окончание (*цифровой*). Для производных от неодносложных основ, где число возможных вариантов еще больше, эти варианты также просто перечисляются. Единственное исключение составляет указание на то, что дериваты от слов с полногласием имеют ударение на окончании (ср. *береговой*, *голосовой*, *сороковой* и др.). Наблюдение важное и красивое; извлечь ту же информацию из описания А. А. Зализняка возможно (см. [Там же: 99, Замечание]), но значительно труднее. Однако в «Словаре...» поведение слов типа *береговой* опять-таки выступает как индивидуальная особенность суффикса *-ов-*, в то время как из книги А. А. Зализняка прямо следует, что речь идет об общей закономерности: с акцентологической точки зрения основы с полногласием ведут себя как односложные [Там же: 58].

Отглагольные существительные и прилагательные на *-и-л-*, *-и-тель-* в современном русском языке за очень редкими исключениями имеют ударение на тематическом *-и-* независимо от ударения мотивирующего глагола [Там же: 65–66], ср. *красить* — *красильный*, *краситель*, *красильщик* и т. п. В «Словаре...» это правило не то что не формулируется в явном виде — соответст-

вующие классы производных словно бы специально описываются таким образом, чтобы заретушировать его как можно сильнее. Так, прилагательные на *-ительн(ый)* В. В. Лопатин и И. С. Улуханов делят на две группы: образованные от глаголов на *-ить* и образованные от всех остальных глаголов. Для первой группы принимается членение типа *восхити-тельн-ый*, для второй — отсечение конечной гласной мотивирующей основы и членение типа *общ-ительн-ый* (при этом в таких совершенно зеркальных к *общаться* — *общительный* парах, как *окончить* — *окончательный*, усматривается не усечение конечной гласной перед морфом *-ательн-ый*, а выглядящая куда более естественно «[м]ена конечных отрезков глагольных основ»). В результате оказывается, что прилагательные типа *восхитительный* относятся к акцентному типу IV («ударение на предсуффиксальном слоге»), а совершенно идентичные им в плане акцентуации прилагательные типа *общительный* — к акцентному типу II («ударение на суффиксе»). При этом важное отклонение (акцентный архаизм) *множительный* [Там же: 66] в приведенных в «Словаре...» списках примеров отсутствует.

Распространяется тот же принцип и на другие разделы словарных статей, и на Предисловие.

Так, на с. 16 утверждается, что «морф *-к(а)* (в уменьшительно-ласкательном значении) выступает после сочетаний “гласная + согласная” и *ст, зд: берёзка, шёрстка, бороздка*; морф *-очк(а)* (того же значения) не имеет ограничений сочетаемости, обусловленных предшествующими фонемами: *вазочка, косточка, звёздочка*⁷, *тумбоч-*

⁷ Sic! Очевидно, вместо *звёздочка*. Мы не имеем возможности останавливаться на многочисленных опечатках, в некоторых случаях немало затрудняющих чтение книги.

ка, лампочка, кофточка, ванночка». В действительности, однако, при основах на *-ст*, *-зд* между морфами *-к(а)* и *-очк(а)* имеется абсолютно строгое дополнительное распределение: первый выступает при неодносложных основах и основах на *-рст*, второй — во всех остальных случаях, ср. *извѣстка*, *капустка*, *бороздка*, *шѣрстка*, *горстка*, но *весточка*, *кисточка*, *косточка*, *тросточка*, *звѣздочка* и т. д. [Иткин 2007: 210]⁸.

Притяжательные суффиксы *-ов* и *-ин*, как известно, распределены в зависимости от типа склонения исходного существительного. В «Словаре...» класс существительных, выступающих в роли мотивирующих для суффикса *-ов*, описан как «одушевл., преимущ. муж. р. со знач. лица», но не отмечено, что такие существительные не могут относиться к I склонению⁹. О том, что прилагательные на *-ин* в общем случае мотивируются существительными I склонения, в «Словаре...» также не говорится. Авторы выделяют у суффикса *-ин* алломорф *-нин*, иллюстрируя его употребление примерами *братнин*, *зятнин*, *девернин*, *дочернин*, *мужнин*. Понятно, что морф *-нин* присоединяется исключительно к терминам родства, причем как раз не относящимся к I склонению. Однако, во-первых, такой вывод читатель вынужден делать самостоятельно. Во-вторых, как явствует, в частности, из

данных НКРЯ, наряду с прилагательным *дочернин* существует сопоставимое с ним по частоте *дочерин*, а редкое *матернин* практически вытеснено очень частотным в просторечии *материн*. Поскольку из четырех прилагательных, образованных от существительных III склонения *дочь* и *мать*, в «Словаре...» включено только одно (*дочернин*), реальная картина оказывается существенно искажена.

Между суффиксами *-ий* и *-ин(ый)* в значении «принадлежащий, относящийся к соответствующему животному» (*черепаший*, *ежиний* и т. д.) имеется строгое дополнительное распределение, зависящее (если отвлечься от некоторых возмущающих факторов) от акцентных свойств мотивирующего слова: существительные с неподвижным ударением на последнем слоге основы присоединяют суффикс *-ий*, все прочие существительные — суффикс *-ин(ый)* [Иткин 1997]. В «Словаре...» наличие такого распределения никак не упоминается.

О правилах выбора морфов *-уч(ий)* и *-яч(ий)* в соответствующей статье «Словаря...» не говорится вообще ничего. Это особенно странно, поскольку в [Грамматика-80: 295] отмечен тот очевидный факт, что морф *-уч(ий)* может присоединяться к основам глаголов как I, так и II спряжения, тогда как морф *-яч(ий)* — только к основам глаголов II спряжения. Это наблюдение можно существенно уточнить. В сочетании с глаголами II спряжения между морфами *-яч(ий)* и *-уч(ий)* опять-таки имеется четкое распределение: первый из них присоединяется к неслововым основам, а также к основам глаголов движения и положения в пространстве, второй — к основам всех остальных глаголов, ср. (в соответствии со списками, приведенными в «Словаре...»): *зреть* — *зрячий*, *спать* — (устар. прост.) *спячий*, *бродить* — *бродячий*, *висеть* — *висячий*,

⁸ Разумеется, о морфе *-очк(а)* можно говорить лишь в тех случаях, когда в языке отсутствует соответствующее производное на *-к(а)*, ср. *роз-очк-а* (**розка*), *ламп-очк-а* (**лампка*) и т. д.; в примерах типа *дыр-очк-а* (ср. *дырка*), *горст-очк-а* (ср. *горстка*) представлен обычный двойной диминутив. В этом вопросе наш подход полностью совпадает с подходом авторов «Словаря...».

⁹ Прилагательное *Растреллиев* при этом почему-то оказалось причислено к «редким образованиям от слов жен. и сред. рода».

лежать — *лежащий*, *сидеть* — *сидячий*, *стоять* — *стоячий*, *ходить* — *ходячий*, но: *блестеть* — *блескучий*, *визжать* — *визгучий*, *гореть* — *горючий*, *гремять* — *гремячий*, *жалить* — (обл.) *жалючий*, *кипеть* — *кипучий*, *пицать* — *пискучий*, *скрипеть* — *скрипучий*, *трещать* — *трескучий*, *хрипеть* — *хрипучий*, *шипеть* — *шипучий*. К этим спискам можно добавить также *болеть* — *боллючий* (21 вхождение в НКРЯ при единичном *болячий*). Исключение составляет лишь редкое (обл.) *терпячий* (в НКРЯ только в качестве фамилии; возможно, в говорах, где представлено данное прилагательное, действуют иные правила употребления морфов *-яч(ий)* и *-уч(ий)*); глагол *вертеться* колеблется: без учета имен собственных «неправильное» *вертучий* представлено в НКРЯ даже несколько чаще, чем «правильное» *вертячий* (в «Словаре...» ни одно из этих прилагательных не упомянуто). Добавим, что прилагательное *зрячий* В. В. Лопатин и И. С. Улуханов вопреки всем правилам сочетаемости суффиксов *-уч(ий)* и *-яч(ий)* производят от слова *зрение*, хотя слову *зритель* при этом допускается считаться производным от глагола *зреть* («(книжн. устар.)»).

Статья про суффиксы *-уч(ий)* и *-яч(ий)* — не единственный случай, когда описание, предлагаемое в «Словаре...», оказывается шагом назад в том числе по сравнению с Грамматикой-80. Так, на той же с. 295 «Грамматики...» указано, что «[м]орф *-чив-* сочетается только с префиксальными основами (исключение: *бранчивый*, прост.), морф *-ив-* — только с беспрефиксальными...». В «Словаре...» сочетаемость суффикса *-чив-* охарактеризована словами «преимущ. после префиксальных глагольных основ». Какие именно производные, помимо не «просторечного», а давно устаревшего *бранчивый*, авторы считают исключением из этого правила, ос-

тается только гадать. Между тем прилагательные *обидчивый* и *застенчивый*, как представляется, в наибольшей степени могущие претендовать на роль таких исключений, ставят перед исследователями интереснейшую теоретическую проблему: не означает ли сам факт совместимости основ *обид-* и *застен-* с суффиксом *-чив-*, что в этих основах имеются синхронно выделяемые префиксы *об-* и *за-*? Что касается суффикса *-ив-*, мы не нашли в «Словаре...» вообще никакой информации о его сочетаемости; между тем, с оговоркой, касающейся приставки *не-* (ср. *незлобивый*, *нерадивый*), только что цитированное указание Грамматики-80 совершенно верно.

Число такого рода примеров можно легко умножить. Остановимся на двух явлениях более широкого плана.

В словарной статье суффикса *-б(а)* справедливо отмечается, что он не присоединяется к основам на губные согласные. Разумеется, и этот факт подается как индивидуальное свойство данной морфемы. Однако рассматриваемая особенность суффикса *-б(а)* — проявление общей тенденции, в соответствии с которой «если суффиксальная морфема имеет в своем составе согласный C_1 или группу согласных C_1C_2 , то ее сочетаемость с основами, оканчивающимися на этот согласный (группу согласных), невозможна или затруднена» [Иткин 2005: 50]. Действием той же тенденции объясняется, например, невозможность суффикса *-ун* после основ на *-н* (и *-м*), суффикса *-ёж* — после основ на шипящие, суффикса *-ость* — после односложных основ на *-ст* [Там же: passim]. Данное ограничение характерно и для ряда других языков — славянских и не только, см., в частности, [Browne 1981; 1999].

При описании условий присоединения к глагольным основам суффиксов (или суффиксальных морфов) *-льн(я)*,

-льщик, -тель и т. п. в «Словаре...» указывается: «После гласных (при отсутствии усечения инф. основ мотивирующих *гль*)»; при описании условий присоединения к тем же основам суффиксов *-б(а)*, *-ун*, *-щик* и т. п. — «От инф. основ мотивирующих *гль* отсекаются конечные гласные». На самом деле вопрос о том, в каких случаях суффиксы присоединяются к вокалической, а в каких — к консонантной основе, представляет собой одну из самых сложных проблем русской морфонологии. Выбор одной из двух моделей зависит от акцентных свойств суффиксов, их семантики и частеречной принадлежности, от конечного согласного основы, ее длины и морфологической структуры [Иткин 1996]. Даже при учете всех этих многочисленных факторов для некоторых групп производных распределение между двумя моделями установить не удается: так обстоит дело, в частности, с производными на *-ец* ~ *-лец*, ср. *ловить* — *ловец*, *писать* — *писец*, но *кормить* — *кормилец*, *скитаться* — *скиталец* и т. д. [Там же: 40–41]. В «Словаре...», однако, данная проблема даже не ставится: сохранение — усечение конечной гласной основы считается заданным априори и ничем не обусловленным. Подчеркнем, что речь идет о десятках суффиксов и многих сотнях (если не тысячах) производных; словарь русских словообразовательных аффиксов, в котором данное явление, в сущности, вообще не рассматривается, — примерно то же самое, что грамматика венгерского языка, не содержащая ни одного упоминания о венгерских падежах.

Бесспорным и безоговорочным достоинством «Словаря...» кажется объем иллюстративного материала: наряду с общеупотребительными словами большинство статей содержит примеры неологизмов и окказионализмов, нередко исчисляющиеся десятками. Однако при

ближайшем рассмотрении и этот аспект авторской концепции вызывает сомнения. Поскольку привести «все слова», разумеется, невозможно, возникает вопрос о критериях отбора. Несколько упрощая, можно сказать, что, как нам представляется, из общеупотребительных слов в словообразовательный словарь обязательно должны входить те, которые представляют специальный интерес с точки зрения деривационной истории, морфонологии, семантики и т. д., а из слов, отсутствующих в словарях литературного языка, — имеющие достаточное распространение и/или опять-таки обладающие теми или иными интересными особенностями. Между тем многих таких слов в «Словаре...» нет, зато в нем в изобилии присутствуют слова явно случайные, единичные, никакого представления о специфике соответствующих суффиксов не дающие. Проиллюстрируем сказанное на примере двух не очень частотных, но окказионально продуктивных субстантивных суффиксов — *-ач* и *-ёж*.

В статье о суффиксе *-ач* (авторы и здесь выделяют четыре омонимичных суффикса такого вида, но мы для простоты будем говорить о нем как о единой сущности) есть слово *кедрач* «лес, состоящий из кедров», но нет слова *кедрач* «кедровый стланник (род вечно-зеленых хвойных кустарников)», в котором реализовано очень редкое для этого суффикса уподобительное значение. Приводится целый ряд совсем малоупотребительных и, как кажется, незнакомых большинству носителей слов типа *искач*, *меткач*, *мордач*, *нормач*, *рубач* и др., но отсутствуют, например:

— широко представленные в художественной литературе и обладающие нетривиальной внутренней формой названия воровских «специализаций» — *ширмач* и *ципач*;

— слово *спотыкач* «вид сладкой наливки», уникальное тем, что суффикс

-ач здесь присоединяется к вторичному имперфективу. Слово это уже достаточно старое и широко известное; оно есть, в частности, в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка.

В статье о суффиксе *-ёж* приводится очень редкое и ничем не примечательное слово *шипёж*, но отсутствуют такие слова, как *выпендрёж* и *охмурёж*. Обе эти лексемы, во-первых, опять-таки широко распространены (слово *выпендрёж* 39 раз встретилось в НКРЯ) и освящены литературной традицией (слово *охмурёж*, кажется, в значительной мере обязано своей популярностью роману И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»), а во-вторых, чрезвычайно важны именно в словообразовательном аспекте. Как явствует из [Кузнецова, Ефремова 1986: 621], в «строгом» литературном языке суффикс *-ёж* присоединяется только к бесприставочным односложным основам, ср. *делёж*, *крепёж*, *чертёж* и т. д.; *в-* в слове *невтерпёж* (эта замечательная наречная форма по каким-то причинам также отсутствует в «Словаре...»), разумеется, не является глагольной приставкой. Как видно, слова *выпендрёж* и *охмурёж* нарушают оба эти ограничения, возможно, намекая пути расширения сочетаемости рассматриваемого суффикса. В статье [Таратынов 2014] отмечается, что в некодифицированной речи основы на губной при присоединении суффикса *-ёж* могут реализовывать модель с добавлением эпентетического *л'* — *давлёж*, *глумлёж*, *воплёж* и т. д., ср. (примеры из Интернета): *Просто сложились мнение, большие сопротивление — музыкальность, меньше — давлёж; Меня просто задел ваш необоснованный глумлёмж*. Форма *воплёж* наряду с *вопёж* отмечена и Т. Ф. Ефремовой, ср., например, [Ефремова 2000]. В «Словаре...» данная модель не упомянута.

Огорчительно кратко и малоинформативной выглядит статья про суф-

фикс **-АНУ(ТЬ)**. Широкая экспансия глаголов на *-ану(ть)* — одна из наиболее примечательных особенностей эволюции русской глагольной системы в течение последних 100–150 лет. Этому явлению уже посвящено несколько специальных исследований — ср., в частности, важную (хотя и содержащую ряд неточностей) статью [Kuznetsova, Makogova 2012]. В. В. Лопатин и И. С. Улуханов ограничиваются лишь немногими примерами неологизмов на *-ану(ть)* и ничего не пишут о сочетаемостных особенностях этого суффикса, в частности, о практически полном запрете на присоединение к неодносложным основам, ср. [Ibid.: 160ff.]. Между тем этот запрет настолько силен, что почти не нарушается даже в сколь угодно некодифицированной речи, в том числе при основах с исходом на группу согласных: примеры типа *форвардануть*, *торренттануть* вместо обычных *форварднуть*, *торрентнуть* единичны.

Имеются лакуны и собственно в списках морфов. Так, от наречия *урывками* образуется диминутив *урывочками*. Эта форма встречается, в частности, в «Трех сестрах» Чехова и, несмотря на свою редкость, опять-таки отмечена в «Грамматическом словаре русского языка». В соответствии с подходом В. В. Лопатина и И. С. Улуханова (см. выше о формах типа *сторонкой*) в слове *урывочками* должен быть выделен суффикс **-ками**², представляющий собой алломорф суффикса **-ОК**³, однако такого алломорфа в статье **-ОК**³ нет. Подобным же образом, несмотря на хорошо известную пару *улица* — *закоулок*, среди префиксальных морфов отсутствует морф **КО**⁻² [Кузнецова, Ефремова 1986] или, если угодно, **ЗАКО**- [Тихонов 1985].

У Предисловия к «Словарю...» есть любопытная особенность: если не считать технической отсылки к «Грамматическому словарю русского языка»

А. А. Зализняка, причем в издании 1977 (не 2003) г. (с. 7), в нем не упоминается ни одна лингвистическая работа. Эта особенность тем более примечательна, что, например, сопоставимые с Предисловием по объему и выполняющие примерно те же функции вводные разделы к словарям [Тихонов 1985] и [Кузнецова, Ефремова 1986] содержат десятки ссылок. Разумеется, не может быть и речи о том, что В. В. Лопатин и И. С. Улуханов не владеют литературой по теме, — их эрудиция общеизвестна. Такое построение Предисловия имеет символический характер: авторы словно стремятся убедить читателя, что с момента выхода Грамматики-70 в лингвистике (и не только) не произошло ничего, заслуживающего внимания:

— не было детальной и чрезвычайно убедительной критики теоретических положений Грамматики-70. Помимо уже цитированной статьи [Ворт 1975], см., в частности, [Ворт 1972; Зверев 1975: 214; Земская 1975а, 1975б; Булыгина 1977: 221–224, 234, сн. 33]¹⁰,

¹⁰ Показательно, что в своей рецензии мы в нескольких случаях едва ли не дословно повторили соображения Е. А. Земской, ср.: «[А]вторы (...) рассматривают элементы, которые ранее трактовались как производные суффиксы, в качестве алломорфов простого суффикса. При этом они отходят от принятого в языкознании определения алломорфа, считая, что алломорфы не обязательно должны находиться в отношении дополнительной дистрибуции» [Земская 1975б: 80]; «Итак, по нашему мнению, в Грамматике-70 разбиение материала на самостоятельные суффиксы и алломорфы суффикса во многих случаях производится без ясных оснований» [Там же: 81]; «[Н]е ясны основания, по которым сегменты с элементом -л' то признаются особыми суффиксами (например, -льщик по сравнению с -щик, -лец по сравнению с -ец), то — алломорфами суффикса, не содержащего -л-» [Там же]. См.

— не было работ по русской морфологии, в том числе книги [Чурганова 1973], в которой, помимо прочего, дан замечательный по своей подробности анализ правил дистрибуции диминутивных суффиксов -ок, -ик и -чик ([Там же: 158–203]; см. особенно таблицу 14 на с. 159);

— не было работ по словообразовательной семантике — см. хотя бы [Плунгян 1983; Спиридонова 1999];

— не было «Словаря морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой;

— не были созданы Национальный корпус русского языка и другие лингвистические корпуса;

— даже Интернета, кажется, как не было, так и нет.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале нашей рецензии, мы можем лишь констатировать следующее. Безусловно, те или иные единичные исправления и уточнения могут быть внесены в «Словарь...» и в его нынешнем виде. Однако учесть все важнейшие результаты, полученные в изучении различных аспектов русского словообразования в течение последнего полувека, в рамках концепции В. В. Лопатина и И. С. Улуханова нет решительно никакого способа¹¹. Как ни горько это осо-

также суждение Т. В. Булыгиной о том, что принятый В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым способ описания «изображает дело так, будто бы речь идет об индивидуальных свойствах рассматриваемых суффиксов» [Булыгина 1977: 222, сн. 22].

¹¹ Ср. пронительное замечание Т. В. Булыгиной, относящееся, разумеется, к Грамматике-70, но едва ли не в еще большей степени справедливое для «Словаря...»: «[И]збранная авторами композиция и манера изложения материала, по-видимому, и не допускает иного способа описания соответствующих фактов» [Булыгина 1977: 221, сн. 21].

знавать, книга, задуманная как исчерпывающее описание русских словообразовательных морфем «во всей совокупности их свойств и правил образования слов с этими морфемами» (с. 5), устарела за много десятилетий до выхода в свет.

Л и т е р а т у р а

Барулин 2018 — А. Н. Барулин. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка и дальнейшие пути развития его идей. Ч. 1 // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: Периодический сборник научных статей. Вып. 10. М., 2018. С. 19–76. URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2018_10/2.pdf.

Булыгина 1977 — Т. В. Булыгина. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.

Ворт 1972 — Д. С. Ворт. Морфотактика и морфофонемика // Актуальные проблемы русского словообразования. Т. 1. Самарканд, 1972. С. 397–403.

Ворт 1975 — Д. С. Ворт. О роли абстрактных единиц в русской морфологии // Развитие современного русского языка 1972. М., 1975. С. 53–68.

Грамматика-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Грамматика-80 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

Ефремова 2000 — Т. Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зверев 1975 — А. Д. Зверев. О связанных и вариантных (усеченных) основах // Развитие современного русского языка 1972. М., 1975. С. 211–216.

Земская 1975а — Е. А. Земская. О понятии «позиция» в словообразовании // Развитие современного русского языка 1972. М., 1975. С. 14–25.

Земская 1975б — Е. А. Земская. К проблеме множественности морфоноло-

гических интерпретаций (спорные случаи членения производных основ в современном русском языке) // Развитие современного русского языка 1972. М., 1975. С. 69–88.

Иткин 1996 — И. Б. Иткин. Морфонологические модели русского отглагольного словообразования // Русистика сегодня. 1996. № 4. С. 17–44.

Иткин 1997 — И. Б. Иткин. Рыбий жир или Соколиный Глаз? (Об одном акцентно-обусловленном распределении в русском словообразовании) // *Studia linguarum*. М., 1997. С. 316–323.

Иткин 2005 — И. Б. Иткин. Об одном ограничении на сочетаемость суффиксов с основой в современном русском языке // *Славяноведение*. 2005. № 4. С. 50–57.

Иткин 2007 — И. Б. Иткин. Русская морфонология. М., 2007.

Кузнецова, Ефремова 1986 — А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. Словарь морфем русского языка. М., 1986.

Лопатин 1975 — В. В. Лопатин. О структуре суффиксальных оценочных наречий // Развитие современного русского языка 1972. М., 1975. С. 232–234.

Плунгян 1983 — В. А. Плунгян. I. Коммуникативная информация и порядок слов. II. Пресуппозиции в словообразовании прилагательных // Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Института русского языка АН СССР. Вып. 149. М., 1983.

Спирidonova 1999 — Н. Ф. Спиридонова. Русские диминутивы: проблемы образования и значения // *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*. 1999. Т. 58. № 2. С. 13–22.

Таратынов 2014 — П. А. Таратынов. Производные с суффиксом *-ёж* и их морфонологические особенности в текстах русского интернета // Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина (ред.). *Современный русский язык в интернете*. М., 2014. С. 291–294.

Тихонов 1985 — А. Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145 000 слов. М., 1985.

Чурганова 1973 — В. Г. Чурганова. Очерк русской морфологии. М., 1973.

Browne 1981 — W. Browne. Slavic *-ba* and English **slil*: Two persistent constraints // *Folia Slavica*. 1981. Vol. 4. P. 219–225.

Browne 1999 — W. Browne. Dissimilarity of consonants as a factor in suffixation // *Guard the Word Well Bound: Proceedings of the Third North American-Macedonian Conference on Macedonian Studies*. In Honor of Professor Horace Gray Lunt on the Occasion of His 80th Birthday. Indiana Slavic Studies. 1999. Vol. 10. P. 33–37.

Janda et al. 2013 — L. A. Janda, A. Endresen, Ju. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington, Indiana, 2013.

Kuznetsova, Makarova 2012 — Ju. Kuznetsova, A. Makarova. Distribution of two semelfactives in Russian: *-nu-* and *-anu-* // A. Grønn, A. Pazelskaya (eds.). *The Russian Verb*. Oslo Studies in Language. 2012. Vol. 4(1). P. 155–176.

И. Б. Иткин

Институт востоковедения РАН,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Получено 25.04.2019

[Review of:]

Lopatin V. V., Ulukhanov I. S.
*The Dictionary of Derivational
Affixes in Modern Russian*. — Moscow:
Azbukovnik, 2016. — 812 p.

References

Barulin, A. N. (2018). «Russkoe imennoe slovoizmenenie» A. A. Zaliznyaka i dal'neyshie puti razvitiya ego idey. Ch. 1. In *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov*:

Periodicheskii sbornik nauchnykh statei. Issue 10 (pp. 19–76). Moscow. Retrieved from http://www.ilingran.ru/library/sborniki/for_lang/2018_10/2.pdf

Browne, W. (1981). Slavic *-ba* and English **slil*: Two persistent constraints. *Folia Slavica*, 4, 219–225.

Browne, W. (1999). Dissimilarity of consonants as a factor in suffixation. In Ch. E. Kramer, & B. Cook (Eds.), *Guard the Word Well Bound: Proceedings of the Third North American-Macedonian Conference on Macedonian Studies. In Honor of Professor Horace Gray Lunt on the Occasion of His 80th Birthday* (pp. 33–37). Bloomington: Slavica.

Bulygina T. V. (1977). Problemy teorii morfologicheskikh modelei. Moscow: Nauka.

Churganova, V. G. (1973). *Ocherk russkoy morfonologii*. Moscow: Nauka.

Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi*. Moscow: Russkiy yazyk.

Itkin, I. B. (1996). Morfonologicheskie modeli russkogo otglagol'nogo slovoobrazovaniya. *Rusistika segodnya*, 4, 17–44.

Itkin, I. B. (1997). Rybii zhir ili Sokolinyi Glaz? (Ob odnom aktsentno-obuslovlennom raspredelenii v russkom slovoobrazovanii). In A. S. Kasyan (Ed.), *Studia linguarum* (pp. 316–323). Moscow: RGGU.

Itkin, I. B. (2005). Ob odnom ogranichenii na sochetaemost' suffiksov s osnovoi v sovremenном russkom yazyke. *Slavyanovedenie*, 4, 50–57.

Itkin, I. B. (2007). *Russkaya morfonologiya*. Moscow: Gnozis.

Janda, L. A., Endresen, A., Kuznetsova Ju., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., & Sokolova S. *Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers*. Bloomington: Slavica Publishers.

Kuznetsova, A. I., & Efremova, T. F. *Slovar' morfem russkogo yazyka*. Moscow: Russkiy yazyk.

Kuznetsova, Ju., & Makarova, A. (2012). Distribution of two semelfactives in Russian: *-nu-* and *-anu-*. *Oslo Studies in Language*, 4(1) 155–176.

Lopatin, V. V. (1975). O strukture suffiksallykh otsenochnykh narechii. *Razvitie sovre-*

menного русского языка 1972 (pp. 232–234). Moscow: Nauka.

Plungyan, V. A. (1983). I. Kommunikativnaya informatsiya i poryadok slov. II. Presuppozitsii v slovoobrazovanii prilagatel'nykh. *Pre-dvaritel'nye publikatsii problemnoi gruppy po eksperimental'noi i prikladnoi lingvistike Instituta russkogo yazyka AN SSSR*. Issue 149. Moscow.

Shvedova, N. Yu. (1970). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow: Nauka.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaya grammatika* (Vols. 1–2). Moscow: Nauka.

Spiridonova, N. F. (1999). Russkie diminutivy: problemy obrazovaniya i znacheniya. *Izvestiya akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 58(2), 13–22.

Taratynov, P. A. (2014). Proizvodnye s sufiksom *-yozh* i ikh morfonologicheskie osobennosti v tekstakh russkogo interneta. In Ya. E. Akhapkina, E. V. Rakhilina (Eds.), *Sovremennyy russkiy yazyk v internete* (pp. 291–294). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.

Tikhonov, A. N. (1985). *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–2). Moscow: Russkiy yazyk.

Worth, D. S. (1972). Morfotaktika i morfonemika. In *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya* (Vol. 1, pp. 397–403). Samarkand: Izd-vo Samarkand. un-ta.

Worth, D. S. (1975). O roli abstraktnykh edinit v russkoy morfonologii. In S. I. Ozhegov, & M. V. Panov (Eds.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka 1972* (pp. 53–68). Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (1985). *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.

Zemskaya, E. A. (1975). K probleme mnozhestvennosti morfonologicheskikh interpretatsii (spornye sluchai chleneniya proizvodnykh osnov v sovremennom russkom yazyke) In S. I. Ozhegov, & M. V. Panov (Eds.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka 1972* (pp. 69–88). Moscow: Nauka.

Zemskaya, E. A. (1975). O ponyatii «pozitsiya» v slovoobrazovanii. In S. I. Ozhegov, & M. V. Panov (Eds.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka 1972* (pp. 14–25). Moscow: Nauka.

Zverev, A. D. (1975). O svyazannykh i variantnykh (usechennykh) osnovakh. In S. I. Ozhegov, & M. V. Panov (Eds.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka 1972* (pp. 211–216). Moscow: Nauka.

Ilya B. Itkin

Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences /
Higher School of Economics
(National Research University)
(Moscow, Russia)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Received on April 25, 2019

DOI 10.31912/rjano-2019.2.13

Е. А. Лютикова. Структура именной группы в безартиклевом языке. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 440 с.

Как известно, генеративное направление в лингвистике началось с анализа английского языка. Однако достаточно быстро стало ясно, что развитие теории, которая ставит своей целью исследование универсальной языковой способности человека, невозможно без привлечения данных других языков. Использование типологического материала позволяет не просто расширить теорию,

включив в нее феномены, характерные для конкретного языка или языковой семьи, — сопоставление материала разноструктурных языков позволяет из нескольких конкурирующих теоретических подходов выявить подход, наиболее адекватный эмпирическим данным. В России генеративизм стал активно использоваться в качестве исследовательской программы только в XXI в.,